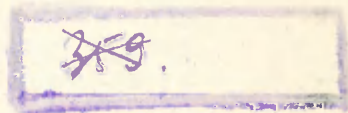

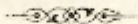
А. С. Будиловичъ.

О НОВѢЙШИХЪ ДВИЖЕНІЯХЪ
ВЪ СРЕДѢ
ЧУДСКИХЪ И ЛѢТСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ
БАЛТІЙСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ.

5А

Рѣчь въ торжественномъ собраніи Спб. Славянскаго
Благотворительнаго Общества, 30 Декабря 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.

1906.

Дозволено цензурою. Сиб., 27 Февраля 1906 г.

Est. A

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

10105

I.

Извѣстно, что принадлежащіе Россіи берега Балтики донынѣ населены въ громадномъ большинствѣ инородцами: въ Финляндіи финнами и корелами, въ Эстляндіи и сѣверныхъ уѣздахъ Лифляндіи эстами, въ южной Лифляндіи и въ Курляндіи латышами, а въ Жмуди и прилежающихъ частяхъ Литвы жмудяками и литвинами. Первые три изъ перечисленныхъ племенъ обыкновенно объединяются подъ названіемъ чудскихъ, а послѣднія три—лѣтскихъ. Нашъ Петербургъ, съ прилежающими къ нему побережьями Финскаго залива, является донынѣ, какъ и во дни Петра Великаго, единственною брешью, которую русскимъ удалось пробить въ инородческомъ валѣ, опоясывающемъ восточное побережье Балтики, почему этотъ пунктъ и называется окномъ въ Европу. Если вспомнить, что къ этому окну Русь стремилась чуть ли не со временъ призванія варяговъ и что къ нему направлены были вѣковыя усилія русскихъ князей и царей—Ярослава Мудраго, Александра Невскаго, Ивановъ III и IV, Алексѣя Михайловича, Петра Великаго и его преемниковъ,

вплоть до нашихъ дней, то нужно сознаться, что достигнутые здѣсь результаты въ смыслѣ племенномъ представляются крайне незначительными.

Правда, въ отношеніи политическомъ Россія господствуетъ уже давно на указанныхъ берегахъ Балтики: въ Ингерманландіи, Эстляндіи, Лифляндіи и Старой Финляндіи со временъ Петра Великаго, въ Курляндіи и Литвѣ-Жмуди съ Екатерины II, въ Новой Финляндіи съ Александра I. Но событія послѣднихъ дней доказываютъ, что подобное государственное обладаніе само по себѣ не представляется особенно надежнымъ, безъ обезпеченія его скрѣпами племенными и духовными.

Вотъ краткій перечень этихъ событій.

Когда въ Гельсингфорсѣ получено было извѣстіе о петербургскихъ безпорядкахъ 9 января, на улицахъ его стали расхаживать 11 января толпы рабочихъ, интеллигенціи и учащейся молодежи, съ красными флагами и криками: „да здравствуетъ революція! долой самодержавіе! долой Россію!“. Это повторилось и 12 января, пока полиція не разогнала манифестантовъ силою оружія. Тоже приблизительно происходило тогда въ Або, Выборгѣ и многихъ другихъ финляндскихъ городовъ. Затѣмъ пошли нападенія на русскихъ чиновниковъ и тѣхъ финляндцевъ, которые считались сторонниками Россіи. Подобныя преступленія и даже убійства оставались безнаказанными, такъ какъ финляндскіе суды заняли по отношенію къ преступникамъ явно пристрастное положеніе. Это особенно обнаружилось при разбирательствѣ въ

Выборгѣ дѣла о покушеніи на жизнь губернатора Мясоѣдова, что и вызвало распоряженіе о временномъ перенесеніи подобныхъ дѣлъ въ русскіе военные суды.

Весной началась перевозка въ Финляндію, главнымъ образомъ на англійскихъ корабляхъ, оружія, пороху, динамита, часть которыхъ захвачена была, благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, въ 20-ыхъ числахъ августа близъ Кеми и въ шхерахъ Ларсмо. 29 августа послѣдовало Высочайшее предупрежденіе объ объявленіи Финляндіи на военномъ положеніи, въ случаѣ продолженія доставки въ нее оружія. Жаль, что эта угроза не была въ свое время осуществлена: военное положеніе, быть можетъ, помѣшало бы взрыву въ Финляндіи формальнаго мятежа, вспыхнувшего на другой же день по изданіи манифеста 17 октября не только въ Гельсингфорсѣ, но и въ прочихъ городахъ Финляндіи. Мятежъ этотъ сопровождался изгнаніемъ русскихъ властей, насколько онѣ не могли найти себѣ пріюта въ крѣпостяхъ или на военныхъ судахъ. Русскимъ отвѣтомъ на этотъ мятежъ былъ Высочайшій манифестъ 22 октября, отмѣнившій почти всѣ распоряженія недавней Бобриковской эпохи, направленныя къ сближенію Финляндіи съ Россіей, и передача управленія этою областью въ руки тѣхъ шведскихъ и финскихъ партій, съ которыми пришлось бороться Бобрикову и изъ среды которыхъ вышелъ его убійца. Такъ какъ этотъ переворотъ сопровождался почти поголовнымъ изгнаніемъ изъ Финляндіи и

частныхъ русскихъ людей, то создались условія, при которыхъ эта провинція можетъ втихомолку вооружиться съ головы до ногъ и воспроизвести у себя исторію недавняго отторженія Норвегіи отъ Швеціи. А такъ какъ въ 1811 г. Россія уступила Финляндіи Выборгскую губернію, вслѣдствіе чего граница между двумя „союзниками“ проходитъ близъ Бѣлоострова, то не исключена возможность, что русская столица очутится, при извѣстныхъ условіяхъ, въ двадцати-тридцати верстахъ отъ непріятельскихъ владѣній, какъ это было раньше, до Ншштаттскаго мира. Когда же Финляндіи удастся завести въ своихъ шхерахъ военный флотъ, хотя бы только миноносный, то онъ можетъ угрожать изъ этихъ шхеръ и нашимъ кораблямъ въ Кронштаттѣ, причемъ Петербургъ сталъ бы доступенъ непріятельскимъ нападеніямъ и съ суши, и съ моря.

Вторымъ послѣ финляндскаго очагомъ смуты на Балтійскомъ побережьи оказалась область латышская, расположенная въ низовьяхъ Западной Двины. Изъ напечатаннаго въ „Правит. Вѣст.“ (15 августа 1905 г.) сообщенія Департамента полиціи видно, что латышское движеніе также началось въ январѣ того же года и проявилось прежде всего въ забастовкахъ, происходившихъ на фабрикахъ и заводахъ Риги, Виндавы, Либавы, Митавы, Валка и нѣкоторыхъ другихъ городовъ. Забастовки эти приняли затяжной характеръ и сопровождались, особенно въ Ригѣ, нападеніями на должностныхъ лицъ, всего чаще полицейскихъ и

военныхъ, причемъ пускаемо было въ ходъ оружіе и даже бомбы. Весною это движеніе перешло изъ городовъ и въ сельскія мѣстности, причемъ агитаторы нашли себѣ союзниковъ въ средѣ мелкихъ арендаторовъ и особенно — мызныхъ батраковъ. Начались разгромы и поджоги помѣщичьихъ усадебъ и замковъ, порубка помѣщичьихъ лѣсовъ, уничтоженіе хлѣбовъ на корню и т. п. Кромѣ того, разрушаемы были винныя лавки, телеграфныя и телефонныя столбы, уничтожались царскіе портреты, зеркала, документы — особенно мобилизаціонныя — въ волостныхъ управленіяхъ и школахъ, и производились безпорядки въ киркахъ, причемъ пасторовъ заставляли носить во время демонстрацій красныя флаги. Съ іюля мѣсяца вооруженныя толпы овладѣли многими волостями, смѣнили въ нихъ сельскія управленія, прекратили взносы арендныхъ платежей и работу на помѣщиковъ, особенно въ Курляндіи. За волостными правленіями слѣдовали уѣздныя, которыя также кое-гдѣ объявлены были подчиненными латышскому федеральному правительству. При этомъ убито было немало должностныхъ лицъ, нѣсколько помѣщиковъ и даже пасторовъ. Къ осени латышскія банды, перемѣшанныя съ еврейскими, настолько усилились, что овладѣли въ Курляндіи и южной Лифляндіи нѣсколькими значительными городами, напр. Виндавой, Гольдингеномъ, Туккумомъ, Валкомъ. Одна банда направлялась даже на г. Рѣжицу, Витебской губерніи. Желѣзнодорожное сообщеніе почти вездѣ было прервано,

Рига, Митава, Либава оказались отрѣзанными отъ Имперіи, и новоназначенному прибалтійскому генераль-губернатору Соллогубу пришлось съ оружіемъ въ рукахъ прокладывать себѣ путь изъ Двинска въ Ригу. Нѣсколько значительныхъ отрядовъ и теперь еще заняты очищеніемъ нѣкоторыхъ курляндскихъ и лифляндскихъ уѣздовъ отъ латышскихъ мятежниковъ, хотя сношенія Риги, Митавы, Либавы съ Имперіей уже возстановлены.

Подъ вліяніемъ революціонныхъ движеній въ Финляндіи и областяхъ латышскихъ не устояли и эсты. Главнымъ очагомъ ихъ мятежа былъ Ревель, гдѣ еще прошлой зимою происходили забастовки и волненія въ средѣ фабричныхъ рабочихъ. Позже движеніе перенеслось въ Юрьевъ, гдѣ актовъ залъ университета, съ разрѣшенія ректора, сталъ излюбленнымъ мѣстомъ эстонскихъ социалистическихъ митинговъ и съѣздовъ. Осенью къ эстонскимъ рабочимъ примкнули и сельскіе батраки, которые разгромили до ста рыцарскихъ замковъ. Теперь и по эстонской территоріи ходятъ русскіе отряды, сопровождаемые помѣщиками, для усмиренія этихъ аграрныхъ движеній. По газетнымъ сообщеніямъ, въ Ревелѣ состоялся недавно (11—12 дек.) съѣздъ эстонскихъ политиковъ, который формулировалъ свою политическую программу: въ ней говорится о введеніи эстонскаго языка въ мѣстные суды, управленія, школы, съ замѣною должностей коронныхъ выборными и на условіяхъ федеративной связи автономной Эстоніи съ прочими народностями.

Подъ вліяніемъ латышской агитаціи съ сѣвера, а польской съ юга, началось нѣкоторое движеніе и въ средѣ инертныхъ дотолѣ жмудяковъ и литвиновъ. Раньше всего проявилось оно въ Ковенской губерніи, подъ вліяніемъ литовской соціально-революціонной партіи и при нѣкоторомъ соучастіи ксендзовъ, шляхтичей, арендаторовъ. Выражалось это движеніе прежде всего въ нападеніяхъ на чиновъ полиціи. Позже, съ іюля, пошли разгромы винныхъ лавокъ, волостныхъ правленій, становыхъ квартиръ, отчасти нападенія на военные патрули. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ стали поголовно изгонять русскихъ чиновниковъ, учителей, писарей, даже монахинь и ученицъ монастырскихъ школъ. Были понужденія къ переходу въ католичество. Старовѣрамъ, разбросаннымъ въ этой губерніи въ числѣ 30 тысячъ душъ, назначенъ срокъ для выселенія, подъ угрозою поджоговъ и убійствъ. Ведется агитація со стороны католическаго духовенства противъ православныхъ храмовъ, съ захватомъ церковныхъ земель. Разгромлено нѣсколько единовѣрческихъ и старообрядческихъ храмовъ. На Либаво-Роменской желѣзной дорогѣ было задержано движеніе поѣздовъ, вслѣдствіе изгнанія русскихъ служащихъ. Объ аграрныхъ осложненіяхъ этого движенія доходили свѣдѣнія изъ-подъ Полангена, который является послѣднимъ остаткомъ прежняго жмудскаго населенія на побережьяхъ Янтарнаго моря.

Что касается политической стороны этого жмудско-литовскаго движенія, то она выяснилась до нѣ-

которой степени въ Виленскомъ собраніи литвиновъ, происходившемъ 31 октября и 2 ноября. Изъ пересланнаго этимъ собраніемъ гр. Витте и напечатаннаго въ „Правит. Вѣстн.“ (10 ноября) „постановленія“ гг. литвиновъ, мы узнаемъ, что они требуютъ для себя автономіи, въ предѣлахъ „историческаго наслѣдія своихъ предковъ“. Наслѣдіе это обнимаетъ-де губерніи Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, а также части Курляндской и Сувалкской. На этой территоріи гг. литвины себя считаютъ аборигенами, а всѣхъ остальныхъ жителей—поляковъ, евреевъ, русскихъ—„пришельцами позднѣйшихъ временъ“, бѣлоруссовъ же — славянизованными литвинами.

Основы литовской автономіи предположено выработать на литовскомъ учредительномъ собраніи въ г. Вильнѣ. Затѣмъ, въ той же Вильнѣ будутъ-де созываться очередные сеймы, гдѣ гг. литвины предоставляютъ, на извѣстныхъ условіяхъ, голосъ и депутатамъ другихъ народностей. Само собою понятно, что не отказываются литвины и отъ участія черезъ своихъ представителей въ нашей Государственной думѣ.

Изъ напечатаннаго проф. Бодуэномъ-де-Куртене въ „Нов. Врем.“ (26 декабря) письма мы узнаемъ, что нѣкоторые литовскіе дѣятели, совместно съ нѣсколькими профессорами Петербургскаго университета и Петербургской католической духовной академіи, обсуждаютъ нынѣ проектъ учрежденія въ Вильнѣ вольнаго университета, гдѣ преподаваніе будетъ-де вестись на языкахъ „ли-

товскомъ, польскомъ, русскомъ и другихъ европейскихъ“. Какіе языки разумѣются между послѣдними, въ письмѣ не сказано; но если имѣть въ виду этнографическій составъ Жмуди и Литвы, то здѣсь могутъ разумѣться только нѣмецкій языкъ (вспомнимъ Kownenland!) и, пожалуй, еврейскій. Для оцѣнки же племенныхъ основаній для задуманной литвинами гегемоніи въ указанной области достаточно указать, что по переписи 1897 г. на этой территоріи при округленіи цифръ значитсѣ: 2.276.000 русскаго населенія, 1.604.000 жмудско-литовскаго и 562.000 польскаго, при 749.000 еврейскаго и 180.000 нѣмецкаго. Въ частности же въ одной Гродненской губерніи на 1.141.000 русскаго населенія приходится всего только 2.874 литвиновъ.

II.

Изъ представленнаго обзора видно, что хотя бѣ въ революціонныхъ движеніяхъ 1905 г. въ Финляндіи, областяхъ эсто-латышскихъ и жмудско-литовскихъ были нѣкоторыя общія черты, однако замѣчаются и существенныя различія.

Къ общимъ чертамъ слѣдуетъ отнести антигосударственное направленіе всѣхъ этихъ движеній и примѣсь въ нихъ заморскихъ вліяній. Къ своеобразнымъ же особенностямъ этихъ мятежей относится, прежде всего, преобладаніе въ бунтѣ финляндскомъ стремленій политическихъ, въ эсто-латышскомъ — социальныхъ, а въ жмудско-литовскомъ — вѣроисповѣдныхъ. Правда, въ газетныхъ сообщеніяхъ нерѣдко приходилось читать упоми-

нанія, наряду съ государствомъ финляндскимъ, якобы связаннымъ съ Россіей лишь персональной уніей, и о государствахъ или республикахъ эстонской, латышской, литовской. Но къ такимъ сообщеніямъ нужно относиться съ критикой и почаще задаваться вопросомъ: нѣтъ ли въ Россіи народностей или классовъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы эсты и латыши представлены были въ ненавистномъ для русскихъ людей освѣщеніи? Въ самомъ дѣлѣ, если бы эсты и латыши проектировали для себя, подобно финляндцамъ, отдѣльныя государства или республики, то почему никакого упоминанія о нихъ не встрѣчается въ постановленіяхъ ревельскаго, юрьевскаго, рижскаго съѣздовъ? Почему тамъ рѣчь идетъ вездѣ о федеративныхъ связяхъ съ Россіей всѣхъ этихъ автономныхъ областей или земель?

Къ числу своеобразныхъ особенностей революціи финляндской принадлежитъ, далѣе, ея городской характеръ, искусная организація и строгая согласованность съ петербургскими „дѣйствами“ 9 января и 18 октября. Возможно, конечно, допустить, что и латыши, а за ними эстонцы и жмудяки своевременно втянуты были въ общерусскій союзъ революціонеровъ. Но скоро движеніе трехъ послѣднихъ народностей измѣнило свой первоначальный характеръ и перенеслось изъ городовъ въ сельскія мѣстности, принявъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣзко выраженный аграрный оттѣнокъ у эстовъ и латышей, а вѣроисповѣдный у литвиновъ.

Нельзя, наконецъ, не отмѣтить, что и отношеніе къ русскому народу въ трехъ указанныхъ поя-

сахъ нашего Балтійскаго побережья было далеко не тожественно. Остріе финляндской, а отчасти и жмудской революціи, направляемой тамъ шведами, а здѣсь поляками, было безспорно обращено не только противъ русскаго государства, но и противъ русскаго народа. Между тѣмъ, въ движеніи эсто-латышскомъ и въ городахъ и въ селеніяхъ остріе было направлено главнѣйше противъ мѣстныхъ нѣмецкихъ верховодовъ, въ частности же противъ лютеранскихъ пасторовъ и остзейскихъ рыцарей. Уцѣлѣвшіе еще отъ древности феодальные замки послѣднихъ были разрушаемы городскими рабочими и мызными батраками съ такимъ остервенѣніемъ, которое напоминаетъ отдаленные вѣка борьбы тѣхъ же эстовъ и латышей съ меченосными рыцарями ливонскаго и тевтонскаго орденовъ.

Приходилось, правда, читать и о латышскихъ звѣрствахъ, учиненныхъ надъ русскими воинами въ Туккумѣ и другихъ мѣстностяхъ. Но не слѣдуетъ забывать, что латышскимъ соціалистамъ выпало дѣйствовать въ союзѣ съ еврейскимъ бундомъ, о фанатическомъ настроеніи котораго по отношенію къ русскимъ солдатамъ достаточно извѣстно изъ дѣлъ минскихъ, бѣлостоцкихъ, варшавскихъ.

Рѣжицкіе старообрядцы рассказывали много ужасовъ о латышскихъ бандахъ, напавшихъ на пограничные русско-латышскіе уѣзды Витебской губерніи. Но—насколько извѣстно—эти ужасы не подтвердились, за исключеніемъ нерѣдкаго и въ

русскихъ селахъ разгрома винныхъ лавокъ, волостныхъ правлений, почтъ.

Въ г. Юрьевѣ произошло 12 декабря столкновение эстонской толпы съ русско-нѣмецкой городской милиціей. Но это столкновение вызвано было скорѣе послѣднею, чѣмъ первою. Къ тому же въ этой милиціи (Bürgerwehr) элементъ нѣмецкій безусловно преобладалъ надъ русскимъ, а въ толпѣ эстонскихъ социалистовъ или пролетаріевъ находилось, по слухамъ, не мало и русскихъ.

III.

Переходя, затѣмъ, къ выясненію причинъ указанныхъ движеній въ средѣ прибалтійской чуди и лѣтовъ, я прежде всего выдѣлю тѣ условія этихъ движеній, которыя имѣютъ общій характеръ, а потому не требуютъ specialнаго разбора въ примѣненіи къ разсматриваемымъ мѣстностямъ. Сюда принадлежатъ, напр.: заграничная пропаганда, которую у насъ приписывали то агентамъ Японіи и Англіи, то революціоннымъ партіямъ Европы и Америки, то всемірному синдикату евреевъ, въ союзѣ съ масонами и другими врагами христіанской Россіи; союзъ русскихъ инородцевъ, въ которомъ наряду съ поляками, евреями, армянами, шведами принимали, повидимому, нѣкоторое участіе и финны, эсты, латыши, литвины; агитація россійскихъ освободителей, отразившаяся въ постановленіяхъ псевдо-земскихъ съѣздовъ и нашихъ безчисленныхъ союзовъ—адвокатовъ, врачей, инженеровъ, профессоровъ, учителей, студентовъ, а

впослѣдствіи ихъ общаго органа—союза союзовъ и примкнувшихъ къ нему стачечныхъ комитетовъ; общеизвѣстные недостатки нашего стараго бюрократическаго режима, которые, конечно, не могли не чувствоваться и на Балтійскихъ окраинахъ, ослабляя въ нихъ тяготѣніе къ Россіи и усиливая стремленія центробѣжныя; наконецъ, общія трудности положенія государства въ переходную эпоху, когда Россія, ослабленная и войной и смутой, не завершила еще перехода отъ старой формы государственности къ новой, едва только намѣчаемой и во многомъ неясной, даже спорной.

Не останавливаясь на этихъ общихъ причинахъ переживаемаго нами лихолѣтія, я позволю себя нѣсколько подробнѣе коснуться тѣхъ мѣстныхъ причинъ прибалтійской смуты, которыя обусловлены культурными и племенными отношеніями прибалтійскихъ областей и сложившимися у насъ исторически пріемами управленія ими.

Между такими условіями прежде всего нужно отмѣтить культурную отчужденность этихъ областей отъ православной Россіи, вслѣдствіе господства въ однѣхъ изъ нихъ лютеранства, а въ другихъ папизма.

Въ древнюю пору чудско-лѣтскія области были, правда, доступны православной проповѣди, доходившей изъ Новгорода, Пскова, Полоцка; но съ XIII в. успѣхи въ этихъ краяхъ православія были постепенно парализованы миссіонерами латинскими, проникавшими сюда изъ Швеціи, Даніи, Германіи, Польши. Въ XVI в. изъ тѣхъ же центровъ про-

никъ въ Прибалтійскія земли протестантизмъ и успѣлъ тутъ прочно утвердиться, за исключеніемъ области жмудско-литовской, гдѣ отчасти уцѣлѣлъ, отчасти же возродился, подѣ вліяніемъ польскихъ езуитовъ, самый ярый папизмъ. Въ результатъ вышло, что и теперь православныхъ людей въ Финляндіи оказывается не болѣе 2—3%, въ Курляндіи 3,7%, въ Ковенской губ. 3%, Сувалкской 5,6%, и только въ Эстляндіи и Лифляндіи нѣсколько больше (9,2% и 14,4%), благодаря тому вѣроисповѣдному движенію эстовъ и латышей къ православію, которое съ такой силой проявилось тамъ въ 1841—1845 гг., но, къ сожалѣнію, было насильственно задержано не безъ вины русскаго правительства. Что же касается Виленской губ., то значительная примѣсь въ ней православнаго населенія (26,1%) объясняется включеніемъ въ нее нѣсколькихъ русскихъ уѣздовъ.

Вторую важную особенность нашихъ Прибалтійскихъ областей составляетъ ихъ соціальная разрозненность, также восходящая своими началами къ отдаленнымъ вѣкамъ и представляющая результатъ стараго завоеванія этихъ земель на сѣверѣ шведами, въ серединѣ нѣмцами, а на югѣ поляками. И донинѣ верхніе слои въ этихъ краяхъ принадлежатъ къ одной народности (шведской, нѣмецкой, польской), а низшіе, особенно сельскіе, къ другой (чудской, лѣтской). Правда, по даннымъ статистики, численность этихъ верхнихъ пришлыхъ слоевъ населенія не особенно значительна: въ Финляндіи число шведовъ не выше 15—16%, въ

Эстляндіи нѣмцевъ не больше 3,8%, въ Лифляндіи 7,6%, въ Курляндіи 7,5%, въ Ковенской губ. поляковъ только 9,1%, въ Виленской же 8,2%. Но въ жизни экономической и общественной этимъ верхнимъ, наноснымъ слоямъ принадлежитъ въ указанныхъ областяхъ господствующее положеніе, опирающееся сверхъ поземельныхъ и другихъ владѣній еще на особую роль шведской, нѣмецкой, польской знати въ церковномъ и гражданскомъ управленіи Финляндіи, Остзейщины, Жмуди-Литвы.

Особенно выдающееся въ этомъ отношеніи положеніе донинѣ сохранили остзейскіе бароны и рыцари, которые сверхъ обширныхъ латифундій удержали въ своихъ рукахъ значительную часть областного самоуправленія, господствуютъ въ ландтагахъ или земскихъ собраніяхъ дворянскаго типа, а отчасти и въ церковныхъ конвентахъ, синодахъ, консисторіяхъ, на правахъ патроната и членства или даже предсѣдательства во всѣхъ этихъ коллегіяхъ. Можно смѣло утверждать, что нѣтъ теперь въ Европѣ страны, гдѣ пережитки феодальнаго строя сохранились бы въ такой силѣ, какъ въ Остзейскихъ губерніяхъ. Даже прусское юнкерство значительно отстало въ этомъ отношеніи отъ прибалтійскаго рыцарства. Все это не могло не содѣйствовать возраставшему отчужденію латышей и эстовъ отъ своей аристократіи, а отчасти и духовенства, насколько послѣднее связано съ баронами и рыцарями интересами патроната и племенной солидарности.

Наряду съ указанными культурными и социальными осложненіями въ положеніи Прибалтійскихъ областей, третьимъ существеннымъ элементомъ разыгравшейся въ нихъ смуты является своеобразная, всего рѣже русская и всего рѣже государственная политика, установившаяся въ нихъ со временъ Петра Великаго. Въмѣсто того, чтобы вступить въ завоеванную въ безчисленныхъ бояхъ область подъ своимъ собственнымъ боевымъ и культурнымъ знаменемъ, какъ это дѣлали встарину наши князья и цари, русскіе государственные люди съ Петровской эпохи всего больше хлопочуть о сохраненіи и утвержденіи въ такихъ областяхъ прежняго культурнаго строя, нѣмецкаго въ одной, польскаго въ другой, шведскаго въ третьей. Главныя заботы русскихъ правителей обращены здѣсь не на укрѣпленіе русскаго обаянія или элемента, а на поддержаніе и усиленіе мѣстныхъ сепаратизмовъ. При этомъ интересы коренного большинства, напр. финскаго въ Финляндіи, латышскаго въ Лифляндіи, жмудскаго въ Литвѣ, обыкновенно приносятся въ жертву матеріальнымъ и духовнымъ вождѣніямъ верхнихъ слоевъ населенія.

Особенно гибельною оказалась по своимъ послѣдствіямъ окраинная политика имп. Александра I. При немъ положены были основы той финляндской конституціи, которая привела нынѣ чуть не къ персональной уніи съ этою завоеванною отъ шведовъ областью. Тогда же заложены были нашимъ правительствомъ, по коварнымъ внушеніямъ князя

Чарторыжскаго, основы польско-литовскаго сепаратизма, въ развитіи котораго столь вредную роль игралъ Виленскій университетъ и округъ. Не менѣе ошибочными оказались и тѣ предположенія, въ силу которыхъ имп. Александръ I думалъ привязать къ Россіи Остзейскія губерніи учрежденіемъ нѣмецкаго университета въ старомъ Ярославовомъ Юрьевѣ. Николай I пытался ввести нѣкоторыя поправки въ окраинную политику Александра I, но и онъ не могъ при этомъ отрѣшиться отъ вліяній мѣстной знати, что и привело въ послѣдствіи Россію къ бунтамъ польскимъ, а въ послѣднее время и къ мятежамъ финляндскимъ, латышскимъ, жмудскимъ.

Если же теперь приходится читать и слышать, особенно отъ нѣмцевъ, увѣренія, что всѣ эти мятежи объясняются излишествами нашей якобы руссификаторской политики на окраинахъ вообще, Прибалтійскихъ въ частности, то это не болѣе, какъ отводъ глазъ. Не Муравьевъ является виновникомъ нынѣшнихъ волненій въ Литвѣ и Жмуди, не Манассеинъ вооружилъ противъ Россіи латышей и эстовъ и не Бобриковъ воспиталъ державныя вождельнія финляндцевъ. Наоборотъ, подобныя волненія и вождельшія были бы не мыслимы, если бы Россіи посчастливилось имѣть въ названныхъ областяхъ хоть по одному въ каждое десятилѣтіе Муравьеву, Манассеину, Бобрикову. Въ доказательство можно сослаться на послѣдовательную строго-государственную политику прусскихъ королей въ своихъ прибалтійскихъ польско-

литовскихъ областяхъ, гдѣ вслѣдствіе того и не бываетъ серьезныхъ смуть національно-политическаго характера.

IV.

Но если, такимъ образомъ, оказывается, что для нынѣшнихъ прибалтійскихъ движеній имѣются, сверхъ временныхъ и поверхностныхъ поводовъ, и болѣе глубокія внутреннія причины, лежащія въ общихъ культурныхъ отношеніяхъ этихъ окраинъ къ христіанскому востоку и западу, въ ихъ старыхъ племенныхъ и соціальныхъ антагонизмахъ, наконецъ, въ явной несообразности нашей государственной политики въ земляхъ чудско-лѣтскихъ, то, очевидно, что и прочное успокоеніе этихъ земель можетъ быть достигнуто лишь кореннымъ измѣненіемъ утвердившейся здѣсь со временъ Петра В. системы управленія. Ни виленскій сеймъ, ни латышская республика въ Ригѣ или эстонская въ Ревелѣ, ни персональная унія въ Гельсингфорсѣ, ни даже проектированный, по слухамъ, баронами областной совѣтъ (Provinzialrath) балтійскихъ губерній не могутъ обезпечить въ этихъ окраинахъ общегосударственные и мѣстные интересы и пресѣчь вѣковые антагонизмы. Для обезпеченія этихъ республикъ, союзовъ, уній пришлось бы держать въ нихъ подъ ружьемъ цѣлые корпуса либо мѣстныхъ милицій, либо общеимперскихъ войскъ, между прочимъ и для предотвращенія аграрныхъ движеній. Между тѣмъ существуетъ полная возможность мирнаго и прочнаго

успокоенія всѣхъ этихъ окраинъ, путемъ справедливаго размежеванія въ нихъ интересовъ общегосударственныхъ и мѣстныхъ, причемъ русскому правительству и народу предстояла бы, вмѣсто пристрастія въ пользу знатныхъ и богатыхъ, болѣе благодарная роль примирителя и посредника между верхними и низшими слоями мѣстныхъ населеній. Хорошее мѣстное самоуправленіе, построенное по типу всесословнаго земства, а не дворянскихъ ландтаговъ; охрана коренныхъ населеній отъ захватовъ приналаго меньшинства въ городскихъ думахъ и управахъ, а равно въ церковныхъ округахъ приходскихъ, пробстскихъ, консисторіальныхъ; упраздненіе правъ церковнаго патроната; улучшеніе экономическаго положенія рабочихъ, арендаторовъ, батраковъ, путемъ справедливой для обѣихъ сторонъ аграрной реформы, при содѣйствіи крестьянскаго банка; правильная постановка начальной школы, въ смыслѣ полюбовнаго размежеванія въ ней роли языка мѣстнаго, материнскаго съ одной стороны, а государственнаго или отечественнаго съ другой, примѣрно по типу русско-инородческихъ школъ Ильминскаго; допущеніе преподаванія на мѣстныхъ языкахъ закона Божія не только въ мѣстной средней школѣ, но и на богословскомъ факультетѣ Юрьевскаго университета; большее вниманіе къ инородческимъ языкамъ со стороны чиновъ мѣстной администраціи и суда; наконецъ, правильная постановка переселенческаго дѣла, въ видахъ открытія малоземельнымъ или безземельнымъ лицевинамъ, латышамъ, эстамъ возможности прило-

жить свой трудъ къ земледѣльческому или другому дѣлу въ мѣнѣ населенныхъ частяхъ имперіи: вотъ какого рода преобразованія и мѣры могутъ дать этимъ окраинамъ прочный внутренній миръ и обезпечить ихъ духовную солидарность съ русскимъ государствомъ и народомъ.

Вышеупомянутый же проектъ проф. Бодуэна-Куртене и товарищей учрежденія въ Вильнѣ вольнаго университета съ преподаваніемъ на литовскомъ, польскомъ, русскомъ и другихъ европейскихъ языкахъ, равно какъ и опубликованный въ нѣмецкихъ газетахъ проектъ проф. Дегіо (изъ оцѣмеченныхъ эстовъ) преобразованія Юрьевского университета и Рижской политехники въ нѣмецкія школы, съ допущеніемъ въ нихъ параллельныхъ илидополнительныхъ курсовъ налатышскомъ, эстонскомъ и русскомъ, какъ второстепенныхъ языкахъ, можно смѣло сдать въ тотъ архивъ, гдѣ покоятся дѣла о бывшихъ польскихъ школахъ въ Вильнѣ, а нѣмецкихъ въ Юрьевѣ и Ригѣ.

Въ балтійской, какъ и прочихъ нашихъ окраинахъ, слѣдуетъ твердо держаться начала, что въ Россіи, какъ и въ Германіи, Франціи, Англіи, имѣется только одинъ государственный языкъ, что таковымъ является у насъ издревле языкъ русскій, что послѣдній не исключаетъ конечно въ средѣ инородцевъ достаточнаго простора для природной рѣчи населенія, но не потерпитъ вторженія въ эту область чужихъ государственныхъ языковъ, для чего онъ имѣетъ достаточный запасъ и духовныхъ

силъ, какъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ и распространенныхъ мировыхъ языковъ.

Наряду съ государственнымъ значеніемъ русскаго языка должно быть обезпечено основнымъ закономъ и право русскаго человѣка жить и служить въ любой изъ окраинъ созданнаго его предками государства, не поступаясь при этомъ ни однимъ изъ политическихъ или гражданскихъ правъ російскаго гражданина. Лишь при этомъ условіи можетъ успѣшно развиваться и русская народная колонизація въ Прибалтійскихъ окраинахъ, столь живая прежде, во времена нашихъ вѣчевыхъ общинъ и древнихъ княжествъ, и столь ослабѣвшая со временъ Петра Великаго, даже въ ближайшихъ окрестностяхъ столицы. Если Россія претендуетъ на роль третьяго Рима, то почему бы ей хоть на берегахъ Балтики не восподрожать староримскимъ пріемамъ колонизаціи, особенно странъ приморскихъ, благодаря которой и теперь еще романское населеніе такъ могущественно на европейскихъ и африканскихъ побережьяхъ западнаго бассейна Средиземнаго моря!

На зарѣ европейской исторіи все Балтійское море называлось Венетскимъ, т. е. Славянскимъ или Славянолѣтскимъ. Еще въ XIII в. даже южныя побережья его, на протяженіи отъ Гданска до Любека, заселены были славянами. Теперь они опѣмечены. Осталась въ рукахъ славянъ лишь небольшая восточная часть Балтійскаго побережья, по линіи отъ Торнео до Полангена. Ужели мы не приложимъ всѣхъ усилій, чтобы обезпечить за

Россіей, за Славянствомъ хотя этотъ клочекъ его заветнаго достоянія?

Не для Петербурга лишь, но и для всей Имперіи это побережье необходимо, какъ свѣтъ и воздухъ, какъ единственный свободный выходъ на просторъ океана. Ужели мы дозволимъ отрѣзать этотъ выходъ станомъ ли то „вооруженныхъ союзниковъ“ или системой инородческихъ автономій?

Нѣтъ, этого не можетъ, не должно быть. Поручкой въ томъ все наше прошлое, величіе нашего народа, его высокіе культурные идеалы, его неисполненное міровое призваніе. Соединенными силами государства и общества, науки и литературы, наконецъ возрастающимъ напоромъ своей колонизаціонной волны Россія сумѣетъ обезпечить свое державное положеніе на этихъ побережьяхъ, пока не завершатся ея судьбы, какъ представительницы Славянства и носительницы Восточно-христіанской образованности.

А еслибы невозможное случилось, и Балтійское побережье было нами утрачено, какъ слѣдствіе роковыхъ ошибокъ Петербургскаго періода нашей исторіи, то намъ, петербуржцамъ, слѣдуетъ помнить, что на берегахъ Балтики былъ уже нѣкогда славянскій городъ, не менѣе нашего богатый и славный, именно Винета. Отъ этого города, расположеннаго на о. Волинскомъ, въ устьѣ р. Одры, не осталось теперь и слѣдовъ. Существуетъ легенда, что эта царица сѣверныхъ морей скрылась въ волнахъ. Номѣстные

рыбаки, по ихъ рассказамъ, въ тихую погоду могутъ разглядѣть на днѣ моря улицы и площади, развалины дворцовъ и храмовъ этого потонувшаго славянскаго города. А по близости красуется нѣмешкій Штетинъ и пыхтять гигантскіе доки „Вулкана“.

Ужели тоже предстоитъ и нашей Сѣверной Пальмирѣ?

